

ББК 63.4
А87

Ответственные редакторы:
Л.Б.Вишняцкий, А.А.Ковалев, О.А.Щеглова

Рецензенты:
д-р ист. наук *М.В.Акинович* (Ин-т истории материальной культуры РАН),
Ю.Ю.Пиотровский (Гос. Эрмитаж)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию
А87 Льва Самойловича Клейна / Отв. ред. Л.Б.Вишняцкий, А.А.Ковалев, О.А.Щеглова.
— СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — 502 с. ISBN 5-288-03505-9

Сборник научных трудов в честь выдающегося российского археолога профессора Льва Самойловича Клейна содержит исследования ученых — представителей ведущих научных центров России, Дании, Швеции, Польши, Великобритании, Канады, Австралии, США и Молдовы. Тематика статей отражает основные направления широкого спектра научных интересов Л.С.Клейна, среди которых теория и история археологической науки, спорные вопросы археологии бронзового века Евразии, социо-культурные и этнологические проблемы. Наряду с обобщающими теоретическими и методологическими работами, в сборнике представлены новые научные концепции и вводятся в оборот материалы, имеющие принципиальное значение для решения конкретных задач современной археологии.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов-гуманитариев, археологов, историков и этнографов, студентов и преподавателей вузов.

ББК 63.4

ISBN 5-288-03505-9

© Коллектив авторов, 2004
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2004

МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Е.М. Kolpakov, V.A. Nazarenko. Methodology of archaeological excavations.

Практика археологии заставляет полагать, что применение самых совершенных методов раскопок не обеспечивает само по себе качественность раскопок и приемлемое понимание памятника. Методически безукоризненно проведенные раскопки могут в ряде случаев приводить к плачевным результатам, вплоть до полного непонимания раскопанного (и тем самым уничтоженного) памятника. Вызвано это, видимо, двумя основными причинами. Первая хорошо известна археологам — это уникальность каждого археологического памятника, не позволяющая по-настоящему стандартизировать процедуру раскопок. Вторая — «методологическая наивность» современных подходов к археологическим раскопкам, основанная на уверенности в том, что правильные методы раскопок сами по себе приводят к правильному результату. Причем методы раскопок изложены только на уровне учебников для первокурсников, а их чтение неизменно вызывает улыбку у опытных археологов.

1. Существует два литературно оформленных подхода к определению цели и выбору метода археологических раскопок. 1) «Традиционный» («индуктивный») — подчеркивающий, что раскопки приводят к безвозвратному уничтожению памятника, и поэтому выдвигающий на первый план требование максимальной полноты полевого изучения памятника и его фиксации. «Копать все, брать все» — известный афоризм этого направления. 2) «Новый» (поскольку был поднят на щит американской «новой археологией») («дедуктивный») — требующий проводить раскопки только для решения определенной научной проблемы, копать только то и столько, сколько необходимо для ее решения и фиксировать только то, что имеет к ней отношение.

Во взаимной критике оба подхода достаточно обозначали слабые места друг друга. Для первого это практическая и теоретическая невозможность зафиксировать «все», неизбежная ориентация исследователя на решение тех или иных научных проблем, субъективно приводящая к соответствующей ориентации всей процедуры раскопок, и т.д. Для второго это сознательное одностороннее изучение памятника, заведомо не позволяющее использовать его для изучения других научных проблем, непригодность подхода в спасательных раскопках, относительная доля которых все увеличивается, привязанность к гипотезно-дедуктивному методу исследования, который не является единственным, и т.д.

Между тем, вопрос о базовых установках, с которыми археологу целесообразнее подходить к раскопкам конкретных памятников, так и остается открытым. (Да и сама дискуссия по этому вопросу, развязанная «новыми археологами» в 60–70 гг., была весьма ограниченной). При этом опытные профессиональные археологи используют в своей работе совершенно определенный подход, не заявляя о нем в литературе (насколько нам известно). Основная его идея состоит в том, что *универсальной и главнейшей непосредственной задачей любых раскопок является выявление и фиксация следов археологизации памятника, восстановление его первоначальной конструкции и процесса ее функционирования*. Все другие задачи следует ставить после решения этой. (Для красоты слога можно назвать это полевой парадигмой археологии).

¹ Санкт-Петербург, Россия

² Мюнхен, Германия

Вот для этого подхода мы и попробуем привести некоторые методологические обоснования. При этом мы не считаем, что отсутствие в литературе этих обоснований является решительной слабостью этого подхода. Куда важнее, на наш взгляд, его эмпирическая обоснованность. Практика показала, что он приводит к наилучшим результатам, насколько археологи в состоянии их оценить вообще. В то время как теоретическое рассмотрение всегда осуществляется в рамках какого-либо философского направления, заведомо ограниченного как теоретически, так и практически (по крайней мере, на современном уровне философии науки, поскольку существующие разработки в этой области, при всей их полезности и привлекательности, нельзя считать достаточными с точки зрения опыта и практики науки).

2.1. Первой отправной точкой наших рассуждений является примитивнейший эмпирический факт: в процессе археологического исследования уничтожается сам объект исследования, который всегда уникален. А чтобы доказать любое свое утверждение, археолог должен привести в его пользу эмпирические факты, которые, однако, уже не существуют. Существуют лишь сохраненные археологом фрагменты (вещи, кости, образцы и т.д.), а также чертежи, фотографии, описание, дневник — т.е. археологические коллекции и отчет. Последний, в отличие от коллекции, выступает заместителем ранее существовавших эмпирических фактов. Если надеть на археологию кафтан экспериментальных наук, то можно сказать, что в ней эксперимент невоспроизводим и прямо непроверяем и научное сообщество может оперировать только записью о нем. (Что касается археологических находок, сохраняемых в коллекциях, то без соответствующих сведений из отчета они почти полностью теряют свою информативность и значение). Отсюда особые требования к отчету об археологических раскопках — он должен быть максимально полным аналогом уничтоженного объекта.

Заметим, что, на самом деле, и в гипотезно-дедуктивном подходе это требование смягчается, но не снимается, так как эмпирическая проверка гипотезы фактически предстает перед научным сообществом в виде отчета о раскопках.

2.2. Так ли уж нам важна полнота сохранения раскопанных археологических памятников в отчетной документации? Вообще-то, она вытекает из задач, которые ставятся перед археологией. Так или иначе от археологии требуют участия в обретении истинного знания о человеческом прошлом во всем его многообразии, а не только и не столько добывания древних художественных и материальных ценностей. Как только речь заходит о добывании истинного знания, мы попадаем в царство науки, которая и вырабатывает специально способы достижения истины и критерии истинности, обоснованные общественно-исторической практикой, частью которой является и научная практика.

Одними из основных требований научного метода являются опора на эмпирические факты и доказуемость утверждений. Соблюдение этих требований в археологии невозможно без надежного отчета о раскопках, так как обращение к эмпирическим фактам в археологии в целях доказательства, в конечном итоге, представляет собой обращение к отчету. Таким образом, научность археологии и возможность достижения истинного знания о человеческом прошлом определяются качеством археологического отчета.

2.3. Кроме этого, те же требования к отчету предъявляет задача сохранения культурного наследия. Здесь, кажется, были бы уместны раздающиеся иногда призывы отказаться от археологических раскопок или свести их к минимуму до лучших времен и лучших методов. Однако эти кабинетные идеи противоречат реальности. А в реальности археологические памятники быстро уничтожаются природой и человеком. Например, в Ленинградской области за последние 50 лет, по нашим оценкам, исчезло около половины памятников архе-

ологии. Все же после археологических раскопок от памятника остаются, по крайней мере, коллекции и отчет. И не надо забывать, что методы совершенствуются только в процессе их применения, а не сами по себе, то есть, если не проводить раскопки, то не будет и новых методов.

2.4. Нередко встречается мнение, что многие археологические памятники практически не являются уникальными. Много повторяется, особенно в памятниках одной культуры, и поэтому упущенное в раскопках одного памятника или не отраженное в отчете о нем может быть восполнено при раскопках другого однотипного памятника. Все это справедливо, но ведь судить о сходстве памятников мы можем лишь после того как уничтожим их раскопками, т.е. по отчетам. Это значит, что подход к раскопкам каждого памятника как уникального объекта является методически грамотным. В противном случае от разных памятников останутся однотипные отчеты об однотипных памятниках.

Добавим к этому, что в идиографических науках, к которым относятся история и археология, факты сами по себе тоже являются конечной целью науки наряду с устанавливаемыми на их основе законами. Поэтому каждый памятник представляет ценность и сам по себе, независимо от его признанной уникальности или типичности.

2.5. Итак, чтобы «сохранить» объект исследования, археологу необходим отчет. Чтобы доказать что-либо с помощью эмпирических фактов, археологу необходим отчет. Чтобы познание прошлого могло осуществляться на научном уровне, в археологии необходим отчет. Чтобы сохранить культурное наследие, необходим археологический отчет. А чтобы отчет был в состоянии выполнять эти функции, он должен быть максимально полным аналогом раскопанного памятника.

Как же это осуществить?

3.1. До сих пор в археологии живет старая идея, что при проведении раскопок нужно просто все честно зафиксировать с наибольшей тщательностью. Однако те, кто не поленился познакомиться с достижениями философии науки XX века, утверждают, что это невозможно. Действительно, в XX веке убедительно показано, что нет абсолютно объективной регистрации эмпирических фактов, что зафиксированные наукой факты всегда теоретически нагружены, что ученый всегда фиксирует лишь ограниченное число фактов об исследуемом объекте, более или менее соотносящихся со знакомыми ему научными представлениями, и т.д. и т.п. Поэтому реализация старой идеи о тотальной фиксации невозможна.

К сожалению, далее обычно делается вывод о том, что тогда фиксировать в раскопках нужно лишь то, что работает на доказательство или опровержение гипотез исследователя, или, более широко, вообще на решаемые археологией проблемы. На наш взгляд, это является результатом абсолютизации и некритического приложения ряда модных разработок философии науки последних 30–40 лет, которые, очевидно, описывают лишь одну из сторон процесса познания. Разумеется, здесь не место обсуждать философские проблемы науки, отметим лишь следующее.

Выяснение и доказательство истины в науке вовсе не ограничиваются экспериментом, ссылкой на эмпирические факты и логическими построениями (что известно, по крайней мере или отчасти, с И. Канта). Не менее (а может быть, и более) важными здесь являются общественно-историческая практика, соответствие весьма далеким частям научной картины, невысказываемые учеными и даже невербализуемые научные представления, рефлексия самого процесса исследования. Подобные вещи обеспечивают признаваемую философами практику науки, а именно: способность ученых наблюдать и регистрировать эмпирические факты относительно независимо от своих теорий, рационально выбирать среди

конкурирующих теорий, находить общий язык между сторонниками разных теорий и т.п. Поэтому, если не занимать догматически какие-либо яркие (т.е. крайние до абсурда) философские позиции, то задача наиболее полного отражения объекта исследования в полевом отчете остается разумной.

3.2. Во всех науках подобные задачи повышения объективности фиксации эмпирических фактов решаются на пути применения специальных процедур исследования и регистрации наблюдений. И в археологии, на самом деле, уже выработано немало приемов, направленных на решение этой проблемы. Это параллельная регистрация раскапываемого объекта в чертежах и фотографиях, это протоколирование самого процесса раскопок в дневнике и фотографиях (теперь и видео), это сама методика раскопок, это тройное дублирование информации о раскопанном памятнике в отчете разными средствами фиксации «текст — чертежи — фотографии». В то же время, очевидно, что археологов не может удовлетворять достигнутое состояние дел в этой области.

Конечно, некоторые улучшения могут быть достигнуты за счет технических средств: массивная цветная и специальная фотосъемка, фиксация с помощью видеокамеры, повышение точности и подробности фиксации, увеличение количества естественнонаучных анализов и т.п. Все это почти исключительно вопрос финансирования, а не методологии, хотя иногда и требует некоторого приспособления методов раскопок. Но главное, все-таки, видится на пути совершенствования процедуры археологических раскопок.

Любое исследование начинается с постановки задачи, в любом исследовании ученый стремится что-то узнать. В археологии здесь существует два основных уже упоминавшихся варианта. Задача раскопок либо добыть как можно больше фактов о раскапываемом памятнике, либо проверить выдвинутые гипотезы. Они, конечно, имеют ряд разновидностей, не меняющих их сути. Например, в первом сбор фактов обычно ориентирован на решение тех или иных культурно-исторических вопросов. Причем, от постановки задачи зависит методика раскопок и то, что археолог сможет увидеть в раскопе и зафиксировать в отчете. Так нельзя ли поставить задачу археологических раскопок так, чтобы это уже само по себе в наибольшей степени способствовало созданию отчета — максимально полного аналога уничтожаемого объекта?

3.3. На наш взгляд, практика археологии может предложить на сегодняшний день следующий ответ на этот вопрос: *универсальной непосредственной задачей любых раскопок является выявление и фиксация следов археологизации памятника, восстановление его первоначальной конструкции и процесса ее функционирования.* Именно такая постановка задачи заставляет археолога выявлять и фиксировать при раскопках максимум данных. Именно тогда в раскопе нет незначимых мелочей — любая деталь, любое пятно или прослойка, любое наблюдение становятся важными для понимания конструкции объекта, его функционирования и археологизации. Например, черепок «без ничего», относящийся к массовому материалу, важен для определения места, на котором стоял сосуд, того, как он падал, и т.п., что, в свою очередь, важно для реконструкции всего сооружения и процесса его разрушения. Поэтому археологу придется копать памятник таким образом, чтобы найти подобную «ерунду» и точно ее зафиксировать.

Заметим, что реализация этой задачи обеспечивает использование в археологии ее фундаментальных понятий. Например, чтобы доказать «закрытость» закрытого комплекса (а это одна из базовых источниковедческих обязанностей археологии), нужно доказать, что вещи, найденные археологом в нем, были упокоены одновременно и вместе, а не попали в него в процессе археологизации, — а для этого необходимо реконструировать первоначальный вид сооружения, процесс его функционирования и разрушения.

3.4. Из такой постановки цели раскопок следует важный вывод для методики археологических раскопок (давно реализуемый на практике многими археологами): метод раскопок может меняться в процессе раскопок в зависимости от открываемых остатков и их понимания и на разных участках раскопа могут применяться различные методы. Если археолог видит, что применяемый им метод раскопок не позволяет понять открываемую с его помощью картину, он обязан далее применить другой метод. Если он подозревает, что применяемый им метод раскопок приводит к тому, что важная информация не открывается и ускользает от фиксации, он обязан далее применить другой метод.

Никакая инструкция по полевой методике не может подробно предписать, как нужно раскапывать тот или иной вид памятников. В ней могут быть предписаны лишь отдельные элементы раскопок и фиксации (как это и сделано в современном Положении об открытых листах). Нельзя научиться производить археологические раскопки по инструкциям и методическим пособиям: этому можно научиться только в процессе самих раскопок. Последнее реализовывалось в археологии всегда: все сначала учатся копать непосредственно в поле у более опытных товарищей. Многие археологи называли археологические раскопки искусством — и это действительно так. Однако сравнивать их лучше не с искусством художника, а с искусством врача или спортсмена: нужны знания, необходимо отлично владеть различными инструментами и приемами и нужно уметь их применять в каждом конкретном случае.